НИНА МОЛЕВА

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЗЕРВАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

Нина Михайловна Молева, профессор, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, член Союза писателей СССР и РФ, член Союза художников СССР и РФ, член Комиссии по монументальному искусству при Московской городской думе.

КУЛЬТУРА

Хрестоматийная истина: у каждого времени свои приметы. Для последних пятнадцати лет нашей жизни (а вернее — всех двадцати, если взять и пресловутую «перестройку») среди многого другого — слово «демократия». Слово — не понятие. И простейшее тому свидетельство — письма трудящихся. На все уровни вертикали и горизонтали. По всем вопросам. Их просто не замечают. Ответы на них, тем более реальный отклик, не заложены в чиновничий регламент. Мнения и нужды тех, кто обречен пользоваться общественным транспортом, физически не могут дойти до тех, кто едет с работы на «мерсе» с придымленными стеклами, — разные миры, разные способы общения. И тем не менее исключение существует, да еще какое емкое, — Комиссия по монументальному искусству при Московской городской думе.

Знают ли москвичи, что какая бы идея (не станем касаться ее общественной ценности) ни пришла им в голову по части заполнения столицы памятниками, памятными знаками или единственными в мире по величине скульптурными композициями, она обязана стать предметом рассмотрения десятков ведущих архитекторов, скульпторов, искусствоведов, историков наряду со многими государственными учреждениями, вроде Комитета по культуре, Москомархитектуры и других.

И совершенно неважно, напишете ли вы пространное объяснение к увлекшему вас замыслу, соберете ли доказательства «общественного мнения» или ограничитесь десятком рукописных строк на листке из школьной тетради, того лучше — краткой телеграммой. Все равно громоздкая и многочленовая машина придет в действие, посыплются заключения, соображения, а затем последует многочасовое обсуждение, нередко под объективами телекамер и наверняка под наблюдением легиона журналистов.

Например, Алия Саидовна Базарова пишет в телеграмме (с уведом-

лением о вручении): «Предлагаю создать и установить в городе Москве памятник Божией Матери на таком месте, чтоб люди могли приходить поклониться, загадывать или высказывать свои пожелания. Пусть этот памятник будет заступницей всех проживающих людей на земле и, конечно, города Москвы».

На том же заседании от 19 апреля комиссия рассматривает и внесенный первым заместителем генерального директора ОАО «Домостроительный комбинат № 1» проект «о возведении памятника-бюста генеральному директору» того же комбината В.Е. Копелеву, учитывая, что «на протяжении многих лет В.Е. Копелев входит в первую пятерку самых влиятельных руководителей стройкомплекса». Для вящей убедительности в письме приводятся банковские реквизиты финансирующей организации и подпись главного бухгалтера. Как-никак установление любого, самого незамысловатого памятника обходится не дешевле двадцати миллионов рублей.

Масштабы выступающих на том же заседании А.И. Вольского и С.А. Филатова несколько иные. Им нужна Аллея Почета на Манежной площади для увековечивания десятков, если не сотен (в перспективе) имен: «Общероссийская общественная организация “Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей)”, Торгово-промышленная палата Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации, Контрольно-счетная палата города Москвы, Пенсионный фонд Российской Федерации, Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, Российская объединенная промышленная партия, Международный фонд защиты от дискриминации, Некоммерческое партнерство “Национальная служба экстренной правовой защиты” обратились к мэру Москвы Ю.М. Лужкову с предложением об организации в городе Москве Аллеи Почета, на которой будут устанавливаться памятные знаки политическим, государственным, общественным деятелям, а также предпринимателям, внесшим значительный вклад в развитие гражданского общества России и получившим широкое общественное признание... Просим Комиссию по монументальному искусству согласовать вопрос об организации Аллеи Почета на Манежной площади Москвы... Финансирование работ... будет осуществляться за счет Международного фонда защиты от дискриминации».

И в качестве образца задуманных знаков — табличка: «Кобзон Иосиф Давыдович».

Еще одна особенность текущих дней — стремление к прижизненному, немедленному утверждению собственной значимости, и непременно на центральных площадях и улицах столицы. Бог с ними, с западными европейцами, которые не считают возможным установление памятников раньше чем через десять лет после смерти увековечиваемого. Ученый совет Лувра и вовсе додумался до того (впрочем, еще в начале прошлого столетия), чтоб включать в свое собрание произведения художников через полвека после их ухода из жизни. Таковы минимальные сроки для суда истории, для определения подлинной ценности деятельности и творчества (как бы смотрелись сегодня памятники Борису Ельцину, а ведь к их установлению дело стремительно шло!). Но те, кто заражен в Москве скульптурной манией, вполне отдают себе отчет в том, что какими бы путями — законными или незаконными — памятник ни был установлен, убрать его совсем не просто. Попытка восстановления законного порядка на этом поле немедленно приобретает политическую окраску.

Утрата понимания смысла памятника и особенностей нашей истории неизбежно превращает сооружение монумента в разменную монету тщеславия и карьеризма. СМИ приводили имя инициатора

установления на той же Манежной площади памятника мэру Москвы, но, по всей вероятности, постеснялись воспроизвести содержание самого письма:

«И это надо не Юрию Михайловичу, а прежде всего нам, ныне живущим и последующим поколениям россиян, для того, чтобы каждый человек, испытывающий к нему глубокое уважение, каждый интурист, налюбовавшийся красотами чудесного города, мог подойти и лично поблагодарить самого заслуженного его преобразователя. Этим в какой-то степени будет установлена историческая связь между наиболее яркими эпохами в почти десятивековой судьбе столицы— от Юрия Долгорукого до Юрия Лужкова.

Пусть весь мир убедится в том, что россияне не только здорово дерутся, лихо гуляют и пьют горькую, но еще имеют доброе, благодарное сердце.

Мечтаю еще при жизни искренне поблагодарить и пожать на самой оживленной площади города его, пусть бронзовую, руку. Думаю, к нему не только “не зарастет народная тропа”, не только никогда не покроется патиной его протянутая к людям рука, а наоборот, она будет сиять ярким блеском от теплых, дружеских, немного забавных рукопожатий».

В интервью «Известиям» автор, завкафедрой Московского университета потребительской кооперации, добавляет: «Уверен, что очередь к добродушному и улыбчивому мэру будет не меньше, чем к покойнику в Мавзолее».

Спекуляции на мнении москвичей, якобы предлагающих и отвергающих, одобряющих и осуждающих, продолжаются на бумаге, как в недобрые хрущевские времена. Методы советских руководителей оказались слишком удобными, чтобы с ними так просто расстаться. Они невозможны при подлинной демократии, без кавычек, а так...

Впрочем, данные общественных опросов существуют, другой вопрос — насколько выгодно к ним апеллировать. Из них следует, что на вопрос: «Кому еще надо поставить памятник в Москве?» — половина высказалась за памятник гостинице «Москва», каждый пятый— Лужкову и почти столько же — Шанцеву. На вопрос: «Что же им не нравится в градостроительной политике города?» — 80 процентов ответили: новые памятники, скульптуры в Александровском саду, Петр I, Георгий Жуков.

Депутат Мосгордумы М.И. Москвин-Тарханов пишет: «Исследователи специально отметили этот уникальный феномен Москвы, то есть поразительный по масштабу отрицательный социально-психологический фон, возникающий после установки новых крупных произведений монументального искусства... Без труда удалось установить, что это даже часто не сам монумент, а сочетание ряда факторов, с ним связанных, и в первую очередь влияние места его установки, как бы реакция на его грубое вторжение в сложившуюся городскую среду, воспринимаемую москвичами как одухотворенную и неизменную...»

И вывод: «Поэтому именно в Москве необходимо быть очень осторожными с установкой новых памятников и обязательно при принятии каждого решения учитывать социально-психологические установки москвичей. Наверное, сегодня лучше всего поэтому ничего пока нового масштабного в центральной части Москвы не ставить и ограничиться небольшими произведениями, размещая их в районах новой застройки, подальше от исторических частей города».

Но что значит взвешенный вывод депутата Мосгордумы по сравнению с очередным всплеском личных и ведомственных амбиций, объектом которых на этот раз оказывается Михаил Шолохов. Только что отпраздновали 100-летие со дня рождения писателя. Согласно сообщению Комитета по культуре, уже «определено место размещения памятника

М.А. Шолохову: в центральной части Гоголевского бульвара, в непосредственной близости от дома на ул. Сивцев Вражек, в котором располагалась московская квартира писателя. Место установки поддержано Российским организационным комитетом по подготовке и проведению празднования...»

Вопреки всем правовым положениям, Комиссии по монументальному искусству предлагается просто проштемпелевать уже принятое решение, тем более что «для реализации принят проект, победивший на всесоюзном конкурсе, проведенном Минкультуры СССР в 80-е годы на основании постановления Совета Министров СССР». Одним словом, Политбюро ЦК КПСС уже выразило свое одобрение, а «демократия» и новые принципы устройства государства — и, как следствие, художественной жизни — могут подождать.

Доводы куда как веские, вот только утверждение, что памятник создавался именно для Гоголевского бульвара, и ни для какого другого места Москвы, действительности не соответствует. Начать с того, что право на его установку в 80-х годах выиграл ныне покойный скульптор Иулиан Рукавишников, но привязать к месту не сумел. Москвичи воспротивились установке памятника на Ростовской набережной, затем на Зубовской площади, не согласились и с Ленинским проспектом.

За это время сын покойного, автор не состоявшегося на Патриарших прудах «булгаковского ансамбля» с Примусом и другими действующими лицами — Александр Рукавишников памятник сделал. А вот москвичи, может, и не дожидаясь вожделенного разрешения, успели поставить очень неплохой памятник Шолохову на пересечении Волжского бульвара и Волгоградского проспекта. Тем самым разговор о Гоголевском бульваре, куда более престижном, по мнению членов юбилейного комитета,— разговор о **втором** памятнике в Москве. Отсюда вопрос: есть ли нужда в подобном дублировании? По мнению вице-мэра Шанцева, высказанному московским архитекторам: безусловно, нет.

Другая сторона вопроса — принцип места прописки любого великого человека. **Пятнадцать** раз останавливался и жил в доме № 10, у подножия которого намечается установка памятника Шолохову, Иван Сергеевич Тургенев. Это была его настоящая московская квартира после дома на Остоженке, где были написаны многие ранние произведения и почти все пьесы.

Но о великом русском писателе, создавшем знаковый образ русской женщины, романы, которые поколениями формировали нравственный облик нашего народа, ни Союз писателей России, ни Минкульт России, ни тем более руководители нынешней Москвы хлопотать не станут. Не нашлось ни средств, ни возможностей для поддержания дома-музея, а ведь он пока еще продолжает существовать. Не было дано разрешения на установление памятника — спасибо, нашлось местечко в Бобровом переулке, куда перевели с первоначального места сохранившую только имя писателя библиотеку. Теперь еще тургеневскому дому предстоит стать задником шолоховского памятника с развернутой перспективой белой и красной конницы.

Но Гоголевский-Пречистенский бульвар — это еще имена подолгу живших и работавших здесь Леонида Андреева, Александра Куприна, Кондратия Рылеева, читавшего в том же тургеневском доме свои «Думы», наконец, Стендаля.

Это место рождения русской казенной сцены, не говоря об Апраксинском театре и итальянской опере, в которых бывал Пушкин, как и все его блистательные современники. Не случайно Арбатская площадь называлась «театральной колыбелью» Москвы.

Или Лев Николаевич Толстой. Его знакомство с Москвой, его первые прогулки по ней и первые попытки литературных сочинений. Самый

дорогой ему бульвар, по выражению самого писателя, Пречистенский.

Значит, следует пренебречь памятью и блестящего нашего генерала А.П. Ермолова, и великого художника И.Н. Крамского, и замечательной плеяды русских ученых, самыми плодотворными годами своей жизни связанных именно с Гоголевским бульваром, — будь то основатель русской и мировой аэромеханики академик С.А. Чаплыгин, известный всему миру физико-химик, академик, профессор Московского университета И.А. Каблуков или знаменитый создатель русской школы психиатрии— «совесть русских врачей», по выражению современников, С.С. Корсаков. Не случайно на его московском памятнике, около университетской клиники, высечены слова: «Ученый. Мыслитель. Психиатр. Гуманист».

Наконец, на бульваре стоят дома, готовые стать музеями: Сергея Михайловича Третьякова, одного из основателей одноименной галереи, и Константина Андреевича Тона, строителя и Храма Христа Спасителя, и Большого Кремлевского дворца, и здания Оружейной палаты, и Санкт-Петербургского (Ленинградского) вокзала.

Когда-то Гоголевский-Пречистенский бульвар напоминал Льву Толстому «покойную уютную гостиную». Бульвар многое потерял, особенно в части, обращенной к Храму Христа Спасителя и превращенной в торговое толковище. Тем более надо спасти то, что еще остается, вспомнив к тому же, что необычный, на редкость живописный рельеф — остатки земляного вала, которым Дмитрий Донской по совету московского святителя митрополита Алексия обнес город — от Москвы-реки до Сретенских ворот. И как бы не хотелось, чтобы оправдались слова зама председателя Комитета по культуре Александра Лазарева: «Боюсь, что памятник Шолохову будет установлен вне зависимости от решения комиссии. Начнется большой скандал...»

Остается добавить. Мнения членов комиссии разделились: историки и искусствоведы сказали «нет», действующие архитекторы и скульпторы... Впрочем, время покажет.